

Разговоры с бастующими женщинами

1920, источник: [здесь](#). Перевод с английского языка и редакция: Учение Анархизма.

1.

Через двенадцать дней после начала забастовки и восемь дней после первой встречи с капиталистами, я разыскала работниц, работающих в компании «Сансюся» в зале Мацумото в Канде.

«Многие из вас, должно быть, сталкиваются с более особыми проблемами, чем мужчины, но тот факт, что вы так долго доказываете свою солидарность...», — сказала я сразу после приветствий.

— Но нет, хотя мы были настроены серьезно в меру наших возможностей, некоторые из нас уже вчера вернулись на работу. Этому нет оправдания.

— О да, я тоже слышала об этом. Забастовка длится уже больше двух недель, поэтому, наверное, мы можем их понять. Жаль, конечно, что их настойчивость угасла, не так ли? А Сколько женщин вышло на работу?

— Должно быть, три. Но если бы они подождали до сегодня, то эта встреча была бы немного более благоприятной. Все наши усилия еще не окупились! У нас не хватает настойчивости...

Постановление типографщиков утренней газеты подтвердило мне, что из-за их отступничества капиталисты внезапно стали еще более непоколебимее. Я уже представляла себе исход сегодняшней встречи. У меня ничего не было в подтверждение этого, чтобы рассказать им, и они, кажется, ничего об этом не знали.

Если изначально все были уверены в том, что этот мятеж выдержит месяц или даже больше, то сейчас случается так, что некоторые не выдерживают более двух недель и возвращаются работать уже без приятных условий. Между двумя завязался честный разговор о том, почему эти немногие отступники не говорили об этом открыто и не просили помощи, когда остальные могли бы им как-то помочь. Даже если бы страдали все... Почему никто не хотел высказываться? Они также обсуждали то, некоторые предатели сильно повлияли на остальных во время забастовки.

Я взяла вместе со всеми остальными два больших рисовых пельменя, покрытых бамбуковыми листьями, и начала есть. Я почувствовала что-то знакомое, что тронуло меня

до слез, и я просидела с ними до самого вечера.

2.

Естественно, истории не были для меня полностью неожиданными. Часть из них я уже читала и слышала. Часть из них я также могла себе представить из своего опыта.

Но хотя я давно знала всякое, все же меня очень глубоко тронуло общение с людьми, которым приходится так горько это переживать. Пока я слушала их рассказы об их обычных условиях труда, меня переполняло чувство, что требования забастовки о сокращении рабочего дня и повышении зарплаты не просто представляли собой способ улучшить производство, ведь если бы было бы так, то части капиталистов это наоборот пришлось бы по вкусу, а представляли настоящие требования этих женщин. Из их комментариев следует, что, хотя фабричный закон, к счастью, берет женщин и детей под защиту как защищенных работников, на деле же он не гарантирует им никакой защиты, поэтому капиталисты в основном пользуются этим законом, чтобы не поднимать заработную плату одиноким работницам.

Капиталисты заставляют их работать долгое время по двенадцать часов между грязными, потрескавшимися досками. Они не могут сидеть, а должны все время работать стоя и стоя. Начальство не берет во внимание их хрупкость. Работницам приходится носить тяжести и ходить с ними по лестнице даже тогда, когда они беременные или больные; никто не обратит внимание, если девушка травмируется.

Сама работа кажется ужасной из-за запыленного воздуха на фабрике, и у меня мурашки по коже, когда в ходе этих обсуждений я узнала, что они заставляют их так много работать и при этом так хладнокровно разрушают их здоровье.

3.

Они также рассказали следующее:

“ «Раньше обычно приходилось работать с семи утра до одиннадцати вечера. Мы почти никогда не возвращались домой раньше полуночи. Если представить, как обстояли дела, то мы рады сегодняшнему двенадцатичасовому дню. В то время мы и мечтать не могли о выходном каждое воскресенье. Казалось невозможным то, что зарплату повысят хотя бы на один сэн (1/100 иены). Нас принуждали тяжело работать и обращались с нами так ужасно, как только вздумается. Но мы молча терпели. Когда мы обдумываем это, нам кажется невероятным то, что мы вообще в состоянии выдержать это. Мы не можем представить себе что-то столь прекрасное и легкое, как восьмичасовой или шестичасовой рабочий день, и если бы это осуществилось, двенадцатичасовой день, за который мы

Это правда. Большинству из них приходится работать вдвойне: дома и на фабрике.

Молодые незамужние девушки, у которых практически нет никаких занятий дома, работают на фабрике двенадцать часов и около двух тратят на дорогу. Из десяти часов, проведенных дома, у них остается, если вычесть два часа на еду и на одевание, только восемь часов; если они возвращаются вечером и после еды разговаривают с семьей и принимают ванну, то это еще занимает два или три часа. Поскольку они уставшие, они не могут делать ничего очень энергозатратного, например, учиться или убираться. Если молодая девушка занимается рукоделием всего один час, она сокращает время сна до четырех или пяти часов. Может ли она таким образом полностью восстановиться от изнеможения после работы? И теперь женщины, на которых возложены обязанности жен или матерей, в это столь жестко распределенное время заботятся о своих мужьях или детях. Приготовление еды, уход за всеми приборами, распределение бюджета, стирка белья в холодной или горячей воде и другие планы — все это приходится делать ей одной, в дополнение к ежедневной стирке грязных детских вещей. Все эти заботы они никоим образом не могут передать кому-то другому, даже если кто-то им помогает. Чтобы нормально работать, их ограниченный сон сокращается, и также они должны отказаться от своих небольших выходных.

Понятно, что цивилизация предлагает нам различные методы и возможности для сокращения бытовых дел. Однако рабочий класс слишком нищий, чтобы ими воспользоваться. Благодаря этим благам возникает странное явление, что самые праздные женщины имеют получают еще больше свободного времени, в то время как женщины, у которых нет возможности, вынуждены работать еще больше.

4.

«Работа на фабрике — уничтожение нашего здоровья. Я еще держусь, но когда я немного болеваю и меня осматривает врач, он сразу понимает и без моих слов, что я работаю на заводе. Если мы хоть немного небдительны, что-то немедленно может произойти. Это ужасно! Я заметила, что у меня больше нет вестей от девушки, с которой я работала; тогда, когда я слышу о них, они либо больны, либо мертвы. Мы даже не знаем, сколько всего людей убили свое здоровье на фабрике. То же самое было и с нашими старшими сестрами», — говорит девушка, сидевшая рядом со мной, серьезным тоном, указывая на подругу рядом с собой.

5.

Я провела тот и последующие дни некоторое время с работницами. Хотя эти девушки оказались в очень печальном положении, когда их настоятельные требования отклоняет капиталистическая жесткая рука, они не видят будущего мрачным. Насколько же смелой есть их общая решимость добиться для себя, своими руками, без сомнений, реформ облегчений условий своего труда! Я хотела бы здесь выразить радостное ожидание того, что, несомненно, в ближайшем будущем наступит день, когда огромная уверенность в себе

